

УДК-32:32.019.5(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2018-3-67-87

ЭЙФОРИЯ ИЛИ ПОХМЕЛЬЕ? АТРИБУЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕЦЕССИИ. РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА¹

Е. В. Сироткина, М. А. Завадская²

Известно, что экономический спад зачастую транслируется в снижение политической поддержки, однако происходит ли то же самое в условиях всеобщего патриотического подъема? Что становится решающим фактором, когда логика ретроспективного экономического наказания и вознаграждения за геополитические успехи вступают в противоречие («консолидация вокруг знамени»)? Случай России после присоединения Крыма в марте 2014 г. с последовавшим за тем экономическим спадом осенью 2014 г. представляет уникальную возможность исследовать взаимное наложение этих логик. Мы обращаемся к квази-экспериментальной методологии, чтобы ответить на данный вопрос. Опрос включает вопрос об оценке респондентами эффективности работы ключевых федеральных институтов власти: президента, Госдумы и правительства, а также два экспериментальных вопроса насчет отношения к присоединению Крыма и восприятию экономики. Было обнаружено, что оценки работы президента только повышаются в случае получения информации об ухудшающихся экономических условиях («двойной» эффект консолидации вокруг знамени). Вместе с тем

---

¹ Данное исследование было проведено при поддержке гранта №16-33-01049-ОГН ОГН-МОЛ-А2 Политика в тяжелые времена: методы обеспечения политической легитимности власти в России, а также Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации "5-100". Авторы благодарят Центр сравнительных исторических и политических исследований (ЦСИПИ) ПГНИУ, а именно Андрея Семенова и Алексея Гилева, Лабораторию сравнительных социальных исследований (ЛССИ) НИУ ВШЭ, а именно Эдуарда Понарина, Бориса Соколова, Нику Костенко, Виолетту Корсунову, Олесю Волченко и Анну Широканову; участников семинара PONARS, Генри Хэйла, Джона Ройтера, Пола Гуда и Джоша Такера.

² Сироткина Елена Викторовна – младший научный сотрудник, Лаборатория сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ. E-mail: Elena.sirotkina@gmail.com (ORCID: 0000-0002-0296-9558. ResearcherID: P-4549-2017).

Завадская Маргарита Андреевна – Ph.D. in Social and Political Science, старший научный сотрудник, Лаборатория сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ & Европейский университет в Санкт-Петербурге. E-mail: mzavadskaya@eu.spb.ru; mzavadskaya@hse.ru (ORCID: 0000-0002-3728-4073. ResearcherID: O-1815-2016).

© Сироткина Е.В., Завадская М.А., 2018

эффект эйфории сказывается на оценках правительства и Госдумы в меньшей степени. Примечательно, что оценки работы Госдумы в наибольшей степени подвержены логике «экономического наказания» в сравнении с правительством. Консолидация вокруг знамени действительно смещает уровень политической поддержки, способствуя «разделению политической ответственности между институтами власти и в долгосрочной перспективе, подрывая легитимность легислатуры.

Ключевые слова: атрибуция политической ответственности; экономическая рецессия; консолидация вокруг знамени; опросный эксперимент.

Введение

В 2013 г. российская экономика продемонстрировала признаки стагнации и надвигающейся рецессии. В отличие от кризиса 2008 г. тревожные сигналы стали следствием внутриэкономических дисбалансов и снижения экспортных цен на нефть. К осени 2014 г. покупательская способность российских граждан резко снизилась, в том числе и как результат вступления в силу международных санкций и контрсанкций. В то же время присоединение Крыма в марте 2014 г. привело к аномальному росту политических рейтингов Владимира Путина до рекордных показателей в 80% [14]¹. Феномен резкого роста политической поддержки в условиях геополитической мобилизации получил в исследованиях международных отношений название консолидации или объединения «вокруг знамени» ('rally around the flag') [20]. Несмотря на усиливающиеся кризисные явления в экономике и даже валютный кризис осени 2014 г. никак не повлияли на высокие рейтинги поддержки.

Динамика политической поддержки, как правило, отражает не только восприятие экономических изменений, но и иных явлений. К тому же поддержка и атрибуция ответственности опосредуются институциональным дизайном – партийной системой, конституцией и избирательной системой – которые смещают значимость тех или иных институтов в глазах избирателей (президентов или премьер-министров), облегчают или затрудняют атрибуцию политической ответственности. В целом, электоральные демократии предоставляют институциональные механизмы наказания в случае непопулярной политики, в то время, как в электоральных авторитарных режимах такой возможности у граждан фактически нет. Таким образом, массовые опросы, проведенные независимыми полстерами, являются, по сути, единственным источником информации об уровне политической поддержки, особенно учитывая фальсификацию предпочтений и иные искажения [7].

---

¹ Предыдущие исследования (см. Frye et al. 2017) подтверждают, что «истинные» предпочтения россиян несущественно отклоняются от результатов опросов.

Исследования, посвященные феномену объединения «вокруг знамени» и динамике экономической поддержки в условиях кризиса [12; 26; 9; 13; 2], практически обходят стороной вопрос о том, что происходит в случае единовременного роста патриотических настроений и экономического спада. Начиная с 1990 г. насчитывается несколько случаев совпадения экономического спада и патриотической мобилизации: война в Персидском заливе (США, 1990 и 1992 гг.), война между Израилем и Ливаном в 2002 г., военная операция «Болеас» в ЮАР в 1998 г., конфликт между Турцией и Ираком в 2007 г. и колумбийская агрессия против Эквадора и Венесуэлы в 2008 г. Россия оказывалась в подобных обстоятельствах за последние два десятилетия неоднократно: в 1999 г. после экономического кризиса, совпавшего с началом второй чеченской кампании; в 2008 г., когда мировой финансовый кризис 2008 г. совпал с конфликтом в Южной Осетии и, наконец, крымские события 2014 г. и начало рецессии.

Обычно эффект объединения «вокруг знамени» на политическую поддержку длится от одного до нескольких месяцев, затем возвращается к прежним показателям. Однако российский уровень поддержки властей остается неизменным и после весны 2014 г., несмотря на ухудшающиеся экономические условия. В данном исследовании мы задаемся вопросом, как и насколько эффект консолидации «вокруг знамени» помогает политическим элитам обеспечивать высокие уровни политической поддержки в «тяжелые времена» и насколько данный эффект способствует размыванию атрибуции ответственности за экономический спад. Насколько уровень политической поддержки во время патриотического подъема опосредуется проблемами в экономике? Наконец, все ли политические институты в равной степени являются бенефициарами консолидации «вокруг знамени» или же «несут наказание» в глазах граждан за экономический спад?

Мы анализируем эффекты крымских событий и восприятия экономической динамики на то, как российские граждане оценивают эффективность работы федеральных политических институтов. Во-первых, мы опираемся на понятия прайминга ('priming') [15], отсылая к способности некоторых вопросов заострять специфические проблемы таким образом, что они могут временно влиять на последующие ответы. Например, более развернутый вопрос, содержащий информацию о том, что некоторые эксперты считают состояние экономики кризисным, может способствовать более критической оценке респондента. Таким образом, вопросы, содержащие дополнительную информацию, могут смещать оценки респондентов. В целом этот метод близок методу виньеток, где респондент случайным образом получает информацию о том или ином явлении в виде короткого сообщения [16]. Следуя той же логике, ожидается, что сообщение о присоединении Крыма может также смещать оценки эффективности работы институтов в более позитивном ключе. Такой дизайн позволяет нам увидеть то, как рост патриотизма компенсирует проблемы в экономике и насколько восприятие экономики «отрезвляет» после крымской эйфории.

Для того, чтобы отследить потенциальные эффекты прайминга респонденты случайным образом получили либо оба вопроса, либо один из них. Таким образом, группа респондентов, ответившая на оба вопроса подряд, является экспериментальной, а только на один – контрольной. Оценка разницы средних оценок эффективности работы политических институтов (средний эффект экспериментального воздействия или *average treatment effect*, АТЕ) позволит нам ответить на поставленный исследовательский вопрос.

Помимо эффекта прайминга мы также рассматриваем то, как положительные ответы на экспериментальные вопросы влияют на оценку эффективности институтов. Мы анализируем то, как положительные ответы на оба вопроса – о согласии с присоединением Крыма и согласии с тем, что Россия находится в состоянии экономического кризиса – влияют на оценку работы институтов, тем самым рассматривая силу эффекта взаимодействия.

Основные выводы заключаются в том, что оценки респондентов действительно зависят от их политического отношения к присоединению Крыма и восприятия экономической ситуации. Эти оценки также чувствительны к праймингу: в условиях патриотической консолидации вопрос о состоянии экономики не провоцирует более критическую оценку властей и даже укрепляет поддержку президента. При этом Госдума является единственным политическим институтом, не получающим бонусной поддержки от консолидации «вокруг знамени». Основным бенефициаром эффекта консолидации «вокруг знамени» является президент и в меньшей степени правительство РФ. Правительство и Госдума также несут ответственность за провалы в экономике в глазах респондентов.

Данное исследование вносит свой вклад в литературу о последствиях геополитических конфликтов и патриотического подъема в условиях недемократических режимов, а также механизмах атрибуции политической ответственности в условиях фактического отсутствия политических каналов обратной связи. Наконец, данное исследование обращается к более широкой проблеме общественного мнения в условиях различных политических режимов. Статья состоит из теоретического обоснования исследования, описания исследовательского дизайна и методологии, результатов и заключения.

Теоретическая рамка

Экономический кризис и авторитаризм

Экономический кризис, как правило, оказывает влияние на динамику политического режима и может привести, как минимум, к значимым правительственным перестановкам [13; 10]. Исследования большого числа случаев в целом указывают, что экономические спады в той или иной степени подрывают политическую стабильность и ведут к смене правительств и даже режима. С другой

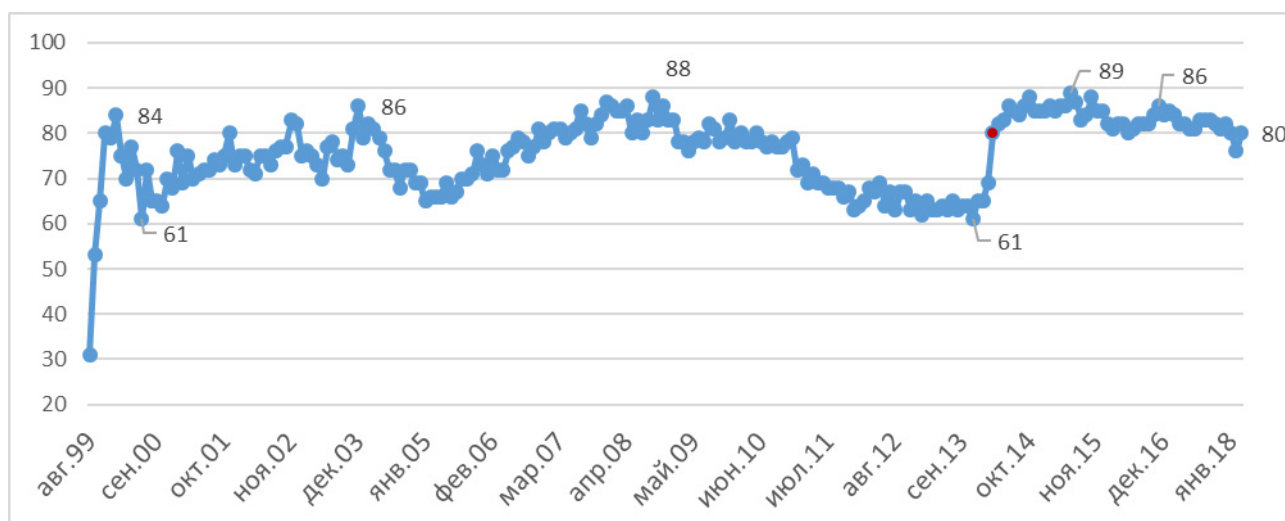
стороны, природа и масштаб урона зависит от политики регулирования и коалиционной политики элит [24; 25]. Некоторые политические режимы успешно абсорбируют экономические шоки через перенастройку отношений с группами интересов и перестановку сил внутри правящей коалиции.

Согласно литературе об экономическом голосовании, кризисы способствуют размыванию политической поддержки существующего режима. Однако в сравнении с демократиями, авторитарные режимы располагают большим полем для маневра в регулировании экономики, в том числе за счёт усиления клиентелистских связей между элитами и элитами и избирателями. Есть свидетельства того, что авторитарные режимы с ресурсозависимой экономикой более чувствительны к кризисным явлениям в экономике [23], однако, с другой стороны, более специализированные исследования выборов указывают на то, что относительно бедные автократии как раз более успешно справляются с кризисами [11]. Если экономическое благосостояние ухудшается, то издержки на покупку каждого дополнительного голоса открывают возможности для электорального клиентелизма и покупки голосов. С ростом экономической уязвимости граждан, становится проще контролировать их политическое поведение. В контексте авторитаризма именно такие группы граждан становятся особо уязвимыми в случаях политической нелояльности. Так, парадоксальным образом выходит, что чем хуже экономические условия, тем проще мобилизовать поддержку режима. Данный тезис получит название «трагического блеска» (the ‘tragic brilliance’ thesis) [5; 17].

Мы полагаем, что субъективное измерение играет большую роль в атрибуции ответственности, нежели объективное положение дел в экономике: если уровень благосостояния ухудшается постепенно без шоков, или кризис затрагивает лишь некоторые сектора экономики, то и восприятие экономической динамики будет иным, поэтому важно учитывать восприятие респондентами экономической динамики [10], чтобы оценить степень значимости экономической повестки в оценке эффективности политических институтов.

Подъем патриотизма и консолидация «вокруг знамени»

Эффект консолидации «вокруг знамени» выражается во временном росте политической поддержки правящей элиты [26; 4]. Однако аномальные всплески уровня политической поддержки – явление достаточно редкое и скоротечное. В данном контексте Россия представляет любопытный случай, поскольку «маленькие победоносные войны» возникали трижды с 1999 г., приводя к временному росту поддержки. Последний рост поддержки в марте 2014 г. длится более двух лет (см. рис.1).

Источник: Левада Центр (<http://www.levada.ru/en/ratings/>)

Рис. 1. Динамика поддержки В. Путина с 1999 по 2018 гг.

Политическая поддержка и экономика в России

Политические события в России открывают редкую возможность исследовать механизмы атрибуции политической ответственности в условиях электорального авторитаризма. С одной стороны, признаки надвигающейся стагнации и рецессии стали ощутимыми еще в 2013 г., некоторые аналитики утверждали о продолжении кризиса 2008 г. [27]. Отечественные экономисты зафиксировали тревожные сигналы осенью 2013 г., однако кризис развернулся в полную силу годом позже, когда рубль прошел несколько волн девальвации, цены на нефть и энергоносители упали, экономические санкции ужесточились, усилился отток капитала, уровень инфляции достиг отметки 11,4%, превысив прогнозные значения в два раза. Макроэкономические показатели осени 2014 г. зафиксировали снижение реальных зарплат, сокращение потребления домохозяйств и массовый отток сбережений. Именно такая экономическая картина наблюдалась в контексте консолидации нации вокруг курса В. Путина.

С середины 1990-х гг. политическая поддержка в целом была тесно связана с динамикой агрегированных экономических показателей [31]. Политические последствия Великой рецессии 2008–2009 гг. в России оказались довольно ограниченными [28], однако кризис подорвал политическую поддержку со стороны определенных групп граждан – в первую очередь, среднего класса и малого бизнеса [3]. Некоторые исследования показывают, что политическая поддержка с середины 2000-х гг. в большой степени становится автономной от экономических колебаний и склонна отражаться в социотропных оценках, нежели индивидуальных [18; 19; 28]. Однако социотропная модель голосования все же получила меньше эмпирической поддержки, чем модель эгоцентрического голосования.

Наконец, вопрос последствий международных санкций со стороны ЕС и США также остается открытым. Санкции направлены на снижение внутривнутриполитической поддержки [8; 22]. Однако мы находим не так много доказательств того, что санкции действительно способны подорвать поддержку режима, скорее мы наблюдаем смещение атрибуции политической ответственности в сторону международного сообщества или второстепенных политических акторов (“scapegoating argument”) [6]. Последнее означает, что российское правительство по большому счету избежало ответственности благодаря консолидации “вокруг знамени” и целенаправленному искажению информации в медийном пространстве. Более того, Тимоти Фрай указывает на то, что политические предпочтения (partisanship) играют решающую роль в восприятии международных санкций: скептики в отношении политики Путина склонны винить правительство больше, нежели сторонники, реагируя на информацию о санкциях [6].

На рисунке 1 показана динамика поддержки В. Путина с 1999 по 2017 гг. Мы наблюдаем постепенный спад с 2010 г. вплоть до зимних Олимпийских игр в 2014 г. Рейтинг стремительно взлетел после присоединения Крыма с 61 до 89%. После 2016 г. мы вновь наблюдаем снижение уровня поддержки до 80%, все еще отражающее высокий уровень поддержки президента. Однако такие скачки наблюдались и прежде: самый существенный скачок в августе-сентябре 1999 г. после начала Второй чеченской кампании с 30 до 84%, с 70 до 86% в 2003 г., а также рейтинг достиг отметки 88% во время военного конфликта с Грузией летом 2008 г.

Опираясь на вышеизложенное, мы формулируем следующие гипотезы:

Эффекты прайминга

Данный набор гипотез обращен на то, насколько чувствительны респонденты к информации о геополитическом успехе или же критическому сообщению об экономических трудностях. Сообщение о Крыме также может служить сигналом о том, что последующие оценки работы власти должны быть высокими, поскольку эта информация крайне политизированна. Даже те, кто относятся к этому событию более скептически, скорее всего, предпочтут о своем отношении умолчать.

H1: Респонденты, отвечавшие на вопросы про Крымские события и экономическую обстановку, склонны оценивать эффективность политических институтов ниже, чем те, кто отвечал только на вопрос про Крым.

Основные эффекты

Основные эффекты отражают то, как те или иные ответы на экспериментальные вопросы повлияли на оценку работы институтов – президента, Госдумы и правительства.

H2a: Те, кто одобряет присоединение Крыма к РФ, при прочих равных условиях оценивают работу институтов выше;

H2b: Те, кто согласен с тем, что Россия находится в состоянии экономического кризиса, склонны оценивать работу институтов ниже.

Эффекты взаимодействия

Эффекты взаимодействия оценивают взаимное влияние разнонаправленных факторов – патриотического подъема и атрибуции ответственности за неудачи в экономике.

Н3а: Поддержка Крыма перевешивает значимость согласия с негативными явлениями в экономике и ведет к более высокой оценке политических институтов (эффект эйфории);

Н3б: Признание того, что российская экономика находится в кризисе перевешивает согласие с присоединением Крыма и ведет к более низким оценкам политических институтов (эффект похмелья).

Исследовательский дизайн

Опросный эксперимент и данные

Эмпирической базой исследования стал репрезентативный общероссийский опрос и опросный эксперимент, проведенный в августе 2016 г. [21]. Опрос проведен ведущей социологической организацией России Левада-Центром. Выборка включает 1 601 респондента в возрасте старше 18 лет. Выборка была разделена случайным образом на 4 группы, которые ответили на вопросы прайминга. Первая группа респондентов ответила на вопрос об том, согласны ли они с присоединением Крыма к РФ (“Вы поддерживаете или не поддерживаете решение российского руководства о включении в состав Российской Федерации Республики Крым?”); в дальнейшем мы именуем эту группу “крымской”. Вторая группа отвечала только на вопрос о том, согласны ли они, что отечественная экономика находится в кризисе (“Согласны ли Вы с утверждением экспертов, что Россия сейчас переживает экономический кризис?”); эту группу мы в дальнейшем именуем “экономической”. Респонденты третьей группы ответили на оба вопроса. Четвертая группа, не отвечавшая ни на один вопрос, в анализе не учитывается. Схема распределения на группы описана на рис. 2. Вопросы с оценкой эффективности работы институтов следовали непосредственно после экспериментальных вопросов.

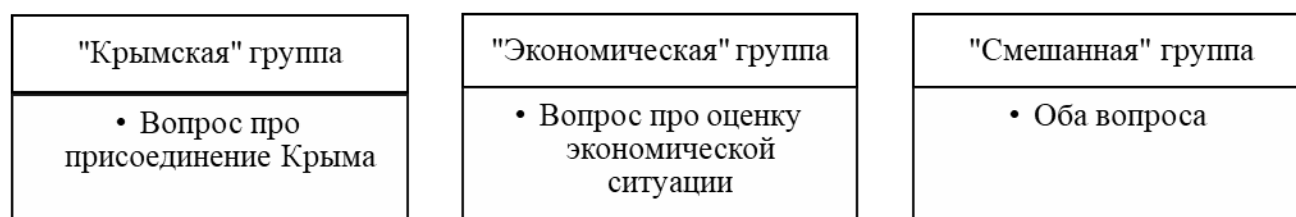

Рис. 2. Дизайн опросного эксперимента

Зависимые переменные – оценки эффективности работы президента, Госдумы и правительства. Респонденты оценивали работу институтов по шкале Лайкерта от 1 (“крайне неэффективно”) до 4 (“очень эффективно”) (см. Приложение). Вопросы об оценке эффективности задавались в следующей последовательности: Госдума, президент и правительство¹ (см. рис. 3, где представлено распределение ответов по экспериментальным группам). Анализируя ответы на подобные вопросы, предполагаем, что респонденты временно погружаются в два альтернативных дискурсивных контекста – геополитического успеха и экономических трудностей. Последнее может вызывать эмоции, связанные с патриотизмом и гордостью за страну или же, напротив, более критический модус политической оценки.

Социальные праймеры (primers) широко используются в психологических исследованиях [1; 32] и помогают идентифицировать то, как манипулятивное использование сообщений или условий влияет на последующие суждения. В политической науке прайминг используется для выявления более достоверных ответов в случае чувствительных или политизированных контекстов [33]. Примеры позволяют получить более-менее несмещенные суждения, поскольку респонденты с малой вероятностью могут распознать намерения исследователя и вряд ли будут корректировать ответы в сторону более социально одобряемых позиций. В российском контексте мы можем предполагать, что некоторые группы респондентов действительно могут воздерживаться от выявления истинных предпочтений, особенно по политически чувствительным темам.

Затем мы оцениваем основные эффекты положительного ответа на оба прайминговых вопроса, то есть поддержка присоединения Крыма и признание существования экономического кризиса в России. После этого мы оцениваем эффект взаимодействия обоих прайминговых вопросов. Для всех регрессионных моделей мы используем набор контрольных переменных: возраст, пол, образование, размер поселения, федеральный округ, политические предпочтения, частота просмотра федеральных телевизионных каналов, доверие телевидению в целом. Политические предпочтения измерены через вопросы о том, голосовал(а) ли респондент за Единую Россию и Владимира Путина на прошлых выборах.

---

¹ Данный подход позволяет респондентам сравнить три политических института. При этом оценка правительства после оценки президента может потенциально снизить поддержку правительства. Однако вопросы были заданы в одинаковой последовательности во всех экспериментальных группах.

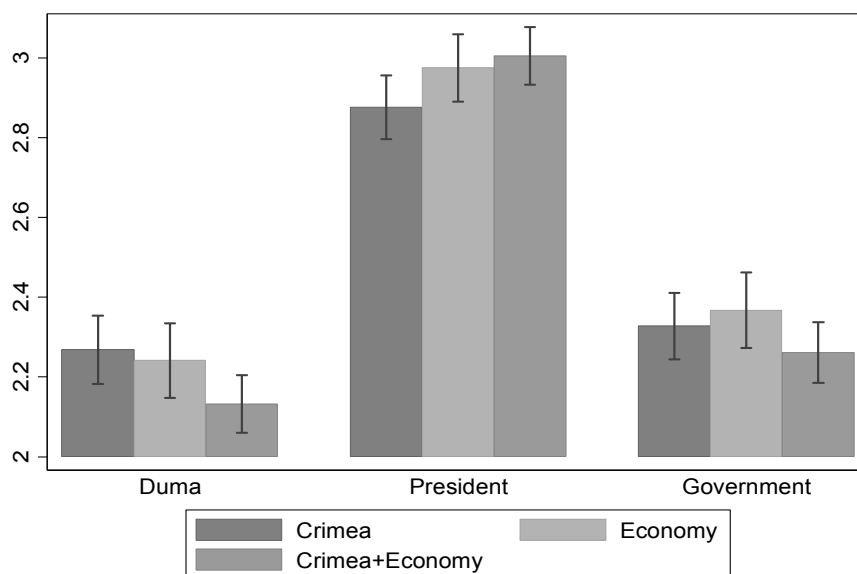

Рис. 3. Оценка эффективности работы институтов по экспериментальным группам

Результаты

Прездсказуемо, что оценки эффективности работы президента самые высокие во всех трех экспериментальных группах. Примечательно и контринтуитивно, что наиболее высокие оценки наблюдаются в группе с обоими праймерами. В группе только с экономическим праймером оценки также выше, чем в группе без него. Среднее значение оценки работы Госдумы в «экономической» группе ниже, чем в «Крымской» и выше чем в «смешанной» группе. Оценка работы правительства самая высокая в «экономической» группе и самая низкая в «смешанной» группе. Как и ожидалось, подавляющее большинство респондентов поддерживают присоединение Крыма. Почти 93% респондентов «крымской» группы высказались «за». В «смешанной» группе доля поддерживающих крымскую кампанию примерно та же: 93 против 7%. Около 84% респондентов в «экономической» группе согласны, что Россия переживает экономический кризис, 87% в «смешанной» группе (см. табл. А и Б Приложения).

Эйфория или похмелье?

Поскольку прайминговые вопросы были распределены случайно по экспериментальным группам, то мы можем оценить средний эффект экспериментального воздействия (АТЕ) [29; 30], сопоставляя средние значения зависимых переменных по группам: «экономическая» группа в сравнении со «смешанной» и «крымская» группа в сравнении со «смешанной», мы центрировали зависимые переменные и оценили МНК-регрессию с учетом всех контрольных перемен-

ных и робастных стандартных ошибок. Результаты представлены на рис. 3 и 4, а также в приложении.

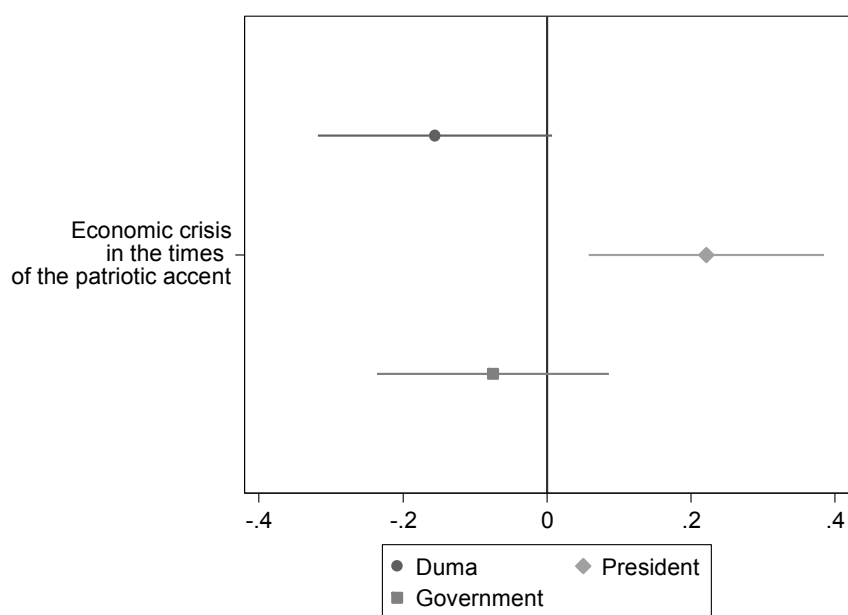

Рис. 4. Средний эффект экспериментального воздействия (average treatment effect) прайминга экономики в контексте патриотической мобилизации¹

Мы обнаруживаем серьезные последствия консолидации “вокруг знамени”, при том не находим опосредующего эффекта восприятия экономического кризиса. Более того, оценки “смешанной” группы указывают, что оба праймера увеличивают оценку работы президента на 0.22 пункта (шкала оценки варьирует от 1 до 4) вопреки теоретическим ожиданиям. При этом мы не наблюдаем ничего подобного для оценок Госдумы и правительства². Чтобы убедиться в устойчивости наших оценок мы провели серию тестов на случайный статистический вывод (randomized statistical inference) (см. табл. Г Приложения).

Основные эффекты

Мы оценили регрессионные модели, используя утвердительные ответы на прайминговые вопросы про Крым и экономику. Обнаружилось, что оценки работы Госдумы никак не зависят от поддержки крымской кампании, при этом правительство получает 0,29 дополнительных пунктов, а президент – 0,59 по

¹ На рисунке 4 представлены стандартизированные эффекты с доверительными интервалами. В случае пересечения доверительным интервалом нулевой отметки, эффект считается статистически незначимым, и, наоборот, чем дальше от нулевой отметки, тем более сильный эффект мы наблюдаем.

шкале от 1 до 4. Основным бенефициаром консолидации «вокруг знамени» является президент и отчасти правительство.

Мы обнаруживаем противоположные результаты, измеряя основной эффект признания респондентами экономического кризиса: президентские оценки остаются нечувствительными к положительным ответам респондентов, оценки Госдумы и правительства несколько снижаются (см. рис. 5). Утвердительные ответы на прайминговые вопросы предполагают, что оценка правительства ближе к логике ретроспективного экономического наказания. Президент получает бонусы за Крым и никак не ассоциируется с экономикой. Эффективность Госдумы никак не связана с крымскими бонусами и даже страдает от негативных оценок экономики.

Эффекты взаимодействия

Какой эффект в большей степени определяет оценку политических институтов: эйфория от геополитических успехов или похмелье от экономической рецессии? Когда мы включаем оба вопроса в модель, то оценки эффективности работы президента и правительства становятся даже более позитивными, а значимость восприятия экономики пропадает. Поддержка крымских событий увеличивает средний уровень поддержки президента на 0,64 пункта, поддержки правительства – на 0,34 пункта.

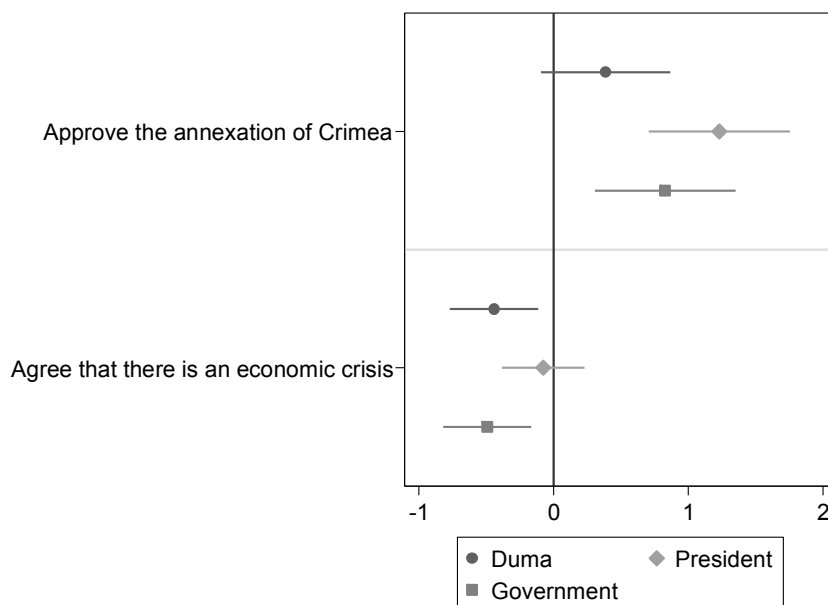

Рис. 5. Основные эффекты восприятия экономической ситуации и поддержки Крыма, с учетом контрольными переменных

Альтернативные объяснения Доход

Мы также учли влияние экономических переменных, характеризующихся двумя способами: оценка респондентом дохода семьи и субъективная оценка покупательской способности респондента. Переменная доход семьи состоит из трех категорий: богатый, средний и бедный. Покупательская способность операционализована через вопрос «Сколько Вы можете позволить себе потратить из ежемесячной зарплаты?» Формулировки вопросов и описательная статистика переменных доступны в приложении. Результаты показывают, что более обеспеченные респонденты оценивают работу Думы выше, в то время как влияния на оценку работы других институтов, обнаружено не было.

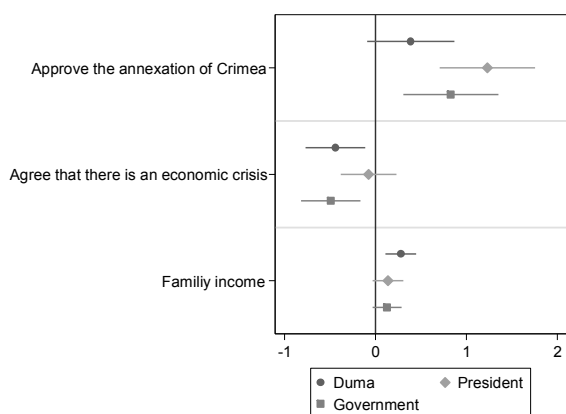

Рис. 6. Эффект дохода на оценку эффективности политических институтов

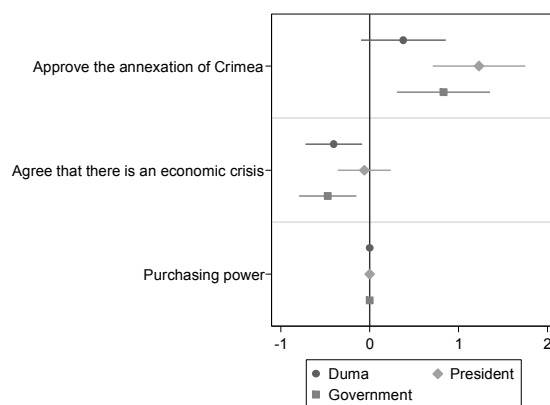

Рис. 7. Эффект покупательской способности на оценку эффективности политических институтов

Роль политических предпочтений

Учитывая, что идеологические предпочтения затруднительно операционализировать через голосование за ту или иную партию, поскольку партийная система после 2005 г. была сведена до набора лояльных и подконтрольных партий, которые в большей степени связаны с государственным аппаратом, нежели избирателями, поэтому мы вынуждены использовать более примитивное деление на тех, кто скептически настроен по отношению к нынешнему президенту и тех, кто его безоговорочно поддерживает. Такой подход позволит нам с наименьшей вероятностью ошибки определить «лоялистов» и «оппозиционеров». Для операционализации данной переменной мы также использовали два вопроса из анкеты «Омнибуса» Левада Центра: «За кого Вы голосовали на последних президентских выборах?» и «За кого Вы голосовали на последних парламентских выборах?». Ответы на эти вопросы, как мы ожидаем, служат показателями

того, каких политических взглядов придерживается респондент. Мы объединили эти две переменные и присвоили значение «1» тем, кто голосовал за В. Путина и поддерживает «Единую Россию», и «0», если ответ был другим. Результаты показывают, что поддержка В. Путина и Единой России на выборах положительно связана с оценкой работы правительства и президента.

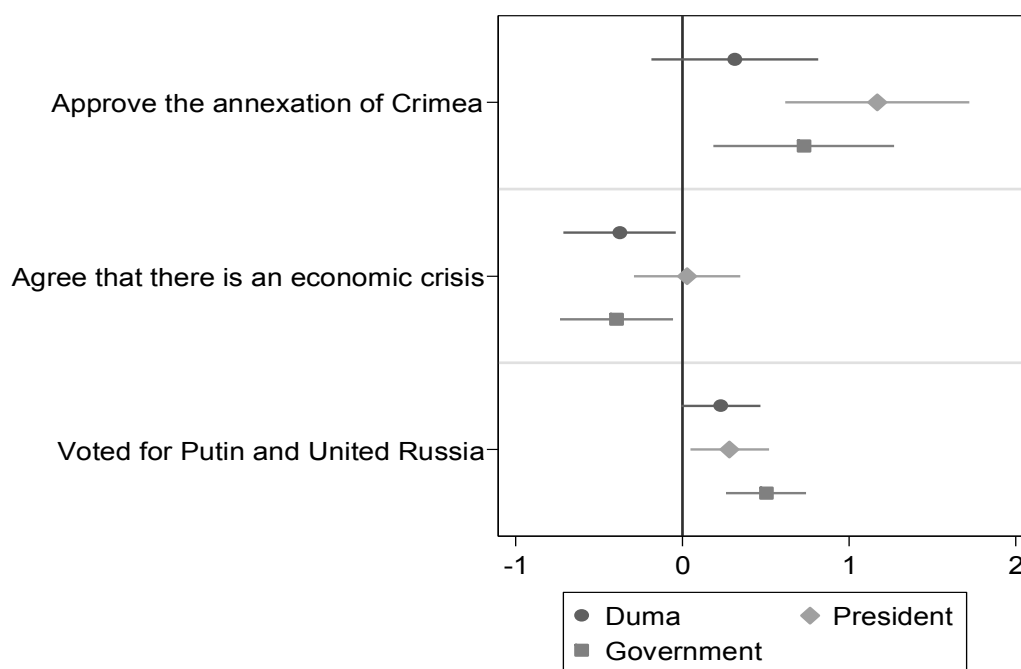

Рис. 8. Эффект политических предпочтений на оценку эффективности политических институтов

Влияние СМИ

Предвзятое освещение СМИ тех или иных политических значимых событий в России играет важную роль в формировании отношения к присоединению Крыма и оценке экономической ситуации. Для того, чтобы оценить возможный эффект пропаганды в формировании общественного мнения, мы также учли такие переменные, как частота просмотра федеральных каналов и степень доверия телевидению. Частота просмотра новостей на федеральных каналах измеряется с помощью шкалы из 5 категорий, где единица означает “никогда”, а “5” – “ежедневно”. Доверие телевидению операционализировано с помощью переменной из четырех категорий, где “4” означает что новости “абсолютно объективны”, а единица означает полное отсутствие доверия ТВ каналам. Мы также учли частоту использования интернет-ресурсов как прокси для доступа к альтернативным источникам информации. Данная переменная также принимает 5 значений от 1 до 5, где единица означает, что респондент никогда не пользуется Интернетом.

Результаты, представленные на рис. 9, показывают, что доверие в объективность новостей существенно влияет на поддержку властей. Однако частота потребления новостного контента не особо влияет на разницу в оценках. Частое использование Интернет снижает оценку работы президента. Не частота, а именно доверие СМИ играют решающую роль для оценки властей.

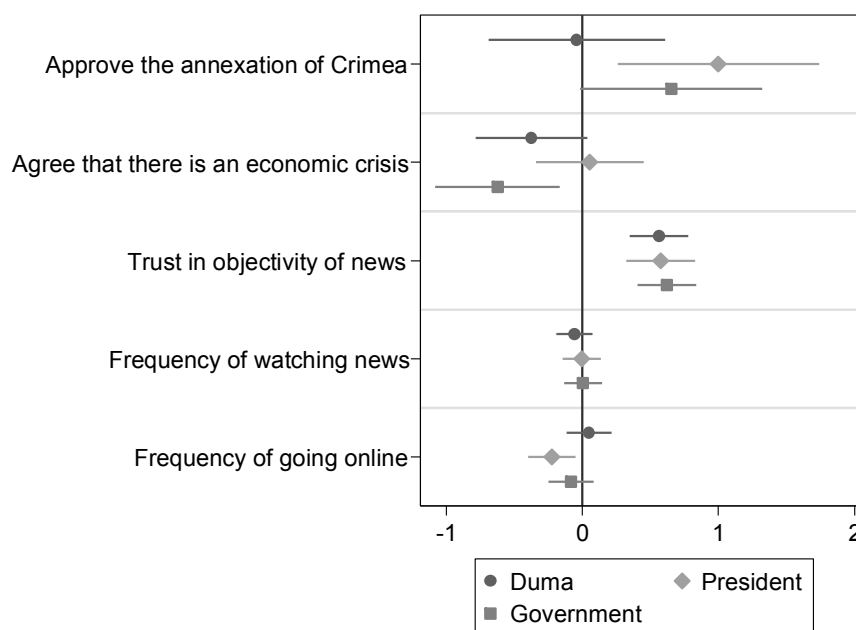

Рис. 9. Эффекты потребления СМИ на оценку эффективности политических институтов

Заключение

Механизмы атрибуции политической ответственности чувствительны к типу режима и институциональному дизайну. Результаты опросного эксперимента продемонстрировали, что респонденты связывают различные политические институты с различными политическими курсами. Случай России показывает, что существует незримое деление зон политической ответственности между президентом и остальными институтами и именно это деление играет ключевую роль в атрибуции политической ответственности.

Президент получает политические бонусы от действий на международной арене, правительство и Госдума несут ответственность за внутреннюю политику. Правительство, при этом, также может быть бенефициаром внешнеполитического курса, который считается успешным. Подобное “разделение труда” воспроизводится в контексте экономической политики и международных отношений. Мы наблюдаем селективное внимание к различным политическим институтам и селективное наказание: президент отвечает за международные

дела, а Госдума и правительство – за внутреннюю политику. Президент не несет наказания за плохую экономику, а Госдума, наоборот, не получает никакого поощрения за внешнюю политику. Правительство и поощряется, и наказывается одновременно.

Президенциализм неизменно фокусирует внимание на фигуре президента и исполнительной ветви власти, нежели на легислатуре. При этом легислатура оказывается ответственной за неудачи в экономике, где, впрочем, Госдума имеет весьма ограниченное влияние. Последнее представляется особенно любопытным, поскольку большинство экономических решений принимается далеко за пределами российской легислатуры. При этом Госдума оказывается своеобразным “козлом отпущения” (scapegoating effect) в глазах граждан.

Мы также обнаружили то, что респонденты действительно корректируют свои оценки работы политических институтов в зависимости от их оценки экономической ситуации в контексте всеобщего патриотического подъема. Однако это смещает оценки в весьма неожиданном направлении: реагируя на оба праймера – поддержка Крыма и согласие с тем, что российская экономика в состоянии кризиса – провоцируют своего рода «двойной» эффект консолидации «вокруг знамени». Вероятно, ответственность за кризис и последствия санкций возлагаются в том числе на международное сообщество и потому только усиливают патриотическую реакцию большинства респондентов. Однако это предположение требует дальнейшего эмпирического подтверждения.

Политические предпочтения также влияют на оценку политических институтов. Те, кто поддерживают присоединение Крыма к РФ демонстрируют значительно более высокие уровни доверия президенту, а также правительству. Между тем те, кто согласен, что Россия находится в экономическом кризисе, оценивают правительство и Госдуму более критично. Эффекты более выражены в случае правительства. Оценка работы президента не зависит от восприятия кризиса.

Энтузиазм в отношении Крыма также может формироваться особенностями потребления СМИ. Мы обнаружили, что те, кто считают информацию объективной, демонстрируют систематически более высокий уровень поддержки всех институтов. При этом частота просмотра новостей на федеральных каналах значимого эффекта не имеет. Иными словами, важно не то, как часто респонденты смотрят телевизор, а как именно они это делают. Экономические переменные также отчасти влияют на оценки респондентов: те, кто оценивают свое благосостояние положительно, относятся к Госдуме лояльнее. Наоборот, те, кто признают наличие кризисных явлений в экономике, систематически оценивают работу президента ниже.

Подводя итог, можно утверждать, что механизмы атрибуции политической поддержки зависят от институционального разделения труда и зон ответственности между президентом, правительством и Госдумой. Однако это разделение труда не полностью совпадает с тем, что указано в Конституции РФ. Госдума

несет ответственность за провалы в экономике, которую она едва ли может регулировать. А президент, несмотря на непосредственное участие в принятии решений и по внутривластным вопросам, при этом ответственности за это не несет. Даже в 2016 г. мы все еще наблюдаем эхо крымских событий 2014 г., за которые президент все еще вознаграждается. Правительство и даже в большей степени Госдума играют роль “козлов отпущения” в атрибуции ответственности. Мы видим больше эйфории, чем “похмелья”, что отчасти поддерживает оценки всем политическим институтам на относительно высоком уровне.

Библиографический список

1. *Bargh J. A., Chen M., Burrows L.* Automaticity of social behavior: Direct effects of trait construct and stereotype activation on action. // *Journal of personality and social psychology.* 1996. No. 71(2). P. 230–244.
2. *Bartels L., Bermeo N.* Mass politics in tough times: opinions, votes and protest in the Great Recession. Oxford: Oxford University Press, 2013.
3. *Chaisty P., Whitefield S.* The effects of the global financial crisis on Russian political attitudes. // *Post-Soviet Affairs.* 2012. No. 28(2). P. 187–208.
4. *Chatagnier J. T.* The effect of trust in government on rallies ‘round the flag. // *Journal of Peace Research.* 2012. No. 49(5). P. 631–645.
5. *Diaz-Cayeros A., Magaloni B., Weingast B.R.* Tragic brilliance: Equilibrium party hegemony in Mexico. 2003. Available at: <https://ssrn.com/abstract=1153510> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1153510>.
6. *Frye T.* Economic Sanctions and Public Opinion: Survey Experiments from Russia. 2017. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3048980> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3048980>.
7. *Frye T., Gehlbach S., Marquardt K.L., John Reuter O.* Is Putin’s popularity real? // *Post-Soviet Affairs.* 2017. No. 33(1). P. 1–15.
8. *Galtung J.* On the effects of international economic sanctions, with examples from the case of Rhodesia. // *World politics.* 1967. No. 19 (3). P. 378–416.
9. *Gasiorowski M. J.* Economic crisis and political regime change: An event history analysis. // *American Political Science Review.* 1995. No. 89(4). P. 882–897.
10. *Gélineau F.* Electoral accountability in the developing world. // *Electoral Studies.* 2013. No. 32(3). P. 418–424.
11. *Voter Volatility in Electoral Authoritarian Regimes: Testing the “Tragic Brilliance” Thesis.* // *Comparative Sociology.* 2016. No. 15(5). P. 535–559.
12. *Gourevitch P.A.* Politics in hard times: comparative responses to international economic crises. Ithaca: Cornell University Press, 1986.
13. *Haggard S.* The politics of the Asian financial crisis. // *Journal of Democracy.* 2000. No. 11(2). P. 130–144.
14. *Hetherington M.J., Nelson M.* Anatomy of a rally effect: George W. Bush and the war on terrorism. // *PS: Political Science & Politics.* 2003. No. 36(1). P. 37–42.

15. *Iyengar S., Simon A.* News coverage of the Gulf crisis and public opinion: A study of agenda-setting, priming, and framing. // *Communication research*. 1993. No. 20(3). P. 365–383.
16. *Kapteyn A., Smith J.P., Van Soest A.* Vignettes and self-reports of work disability in the United States and the Netherlands. // *American Economic Review*. 2007. No. 97(1). P. 461–473.
17. *Magaloni B.* Voting for autocracy: Hegemonic party survival and its demise in Mexico. Cambridge University Press, 2006.
18. *McAllister I., White S.* ‘It’s the Economy, Comrade!’ Parties and Voters in the 2007 Russian Duma Election. // *Europe-Asia Studies*. 2008. No. 60(6). P. 931–957.
19. Democratization in Russia and the global financial crisis. // *Journal of communist studies and transition politics*. 2011. No. 27(3–4). P. 476–495.
20. *Mueller J.E.* Presidential Popularity from Truman to Johnson. // *American Political Science Review*. 1970. No. 64(1). P. 18–34.
21. *Mutz D.C.* Population-based survey experiments. New Jersey: Princeton University Press, 2011.
22. *Pape R.A.* Why economic sanctions do not work. // *International security*. 1997. No. 22(2). P. 90–136.
23. *Pei M., Adesnik A.D.* Why recessions don’t start revolutions. // *Foreign Policy*. 2000. P. 138–151.
24. *Pepinsky T.B.* Economic crises and the breakdown of authoritarian regimes: Indonesia and Malaysia in comparative perspective. New York: Cambridge University Press, 2009.
25. The Global Economic Crisis and the Politics of Non-Transitions. // *Government and Opposition*. 2012. No. 47(2). P. 135–161.
26. *Remmer K.L.* The political impact of economic crisis in Latin America in the 1980s. // *American Political Science Review*. 1991. No. 85(3). P. 777–800.
27. *Robinson N.* Russia’s response to crisis: The paradox of success. // *Europe-Asia Studies*. 2013. No. 65(3). P. 450–472.
28. *Rose R.* Micro-economic responses to a macro-economic crisis: a pan-European perspective. // *Journal of communist studies and transition politics*. 2011. No. 27(3-4). P. 364–384.
29. *Rubin D.B.* Assignment to treatment group on the basis of a covariate. // *Journal of educational Statistics* 1977. No. 2(1). P. 1–26.
30. Causal inference using potential outcomes: Design, modeling, decisions. // *Journal of the American Statistical Association*. 2005. No. 100(469). P. 322–331.
31. *Treisman D.* Putin’s popularity since 2010: why did support for the Kremlin plunge, then stabilize? // *Post-Soviet Affairs*. 2014. No. 30(5). P. 370–388.
32. *Wheeler S.C., Jarvis W.B.G., Petty R.E.* Think unto others: The self-destructive impact of negative racial stereotypes. // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2001. No. 37(2). P. 173–180.

33. Zaller J., Feldman S. A simple theory of the survey response: Answering questions versus revealing preferences. // American Journal of Political Science. 1992. No. 36(3). P. 579–616.

EUPHORIA OR HANGOVER? POLITICAL BLAME ATTRIBUTION AT THE TIMES OF ECONOMIC RECESSION. EVIDENCE FROM A SURVEY EXPERIMENT

E. V. Sirotkina

Junior Research Fellow, Laboratory for Comparative Social Research (LCSR), Higher School of Economics

M. A. Zavadskaya

Ph.D. in Social and Political Science, Senior Research Fellow, Laboratory for Comparative Social Research (LCSR), Higher School of Economics & European University at St. Petersburg

How is perception of the state authorities affected when an economic downturn interferes with citizens' patriotic unity? Which takes the upper hand: euphoria born of geopolitical success or a hangover from economic misfortune? This study explores the variance in political support in Russia after the annexation of Crimea in the context of the economic crisis. Using a population-based survey experiment, we randomly assigned questions asking to assess the Crimea joining Russia, the state of economy in Russia, and both of them. Comparing the averages between the group with the question on Crimea and the group with both questions, we estimated the average treatment effect of the economic downturn undermining national consolidation in regard to the evaluation of the president, the parliament (State Duma) and government effectiveness. Counterintuitively, the president's rating only wins when patriotic unity is disturbed by the economic hardship, but this disturbance has no effect on the evaluation of the parliament and the government effectiveness. We found that the euphoria somewhat suppresses the hangover and preserves the ratings of the State Duma and the government, which receive significantly lower effectiveness evaluations in situations where there is only a hangover (without emphasized patriotism).

Keywords: blame attribution; economic crisis; rally around the flag; public opinion; electoral authoritarianism; survey experiment.

Приложение

Таблица А

Распределение ответов по экспериментальным группам

Вы поддерживаете или не поддерживаете решение российского руководства о включении в состав Российской Федерации Республики Крым?		N	%
“Крымская” группа	Да	394	92.27
	Нет	33	7.73
	Всего	427	100.00
“Смешанная группа”	Да	434	93.33
	Нет	31	6.67
	Всего	465	100.00

Таблица Б

Распределение ответов по экспериментальным группам

“Согласны ли Вы с утверждением экспертов, что Россия сейчас переживает экономический кризис?”		N	%
“Экономическая” группа	Да	309	84.20
	Нет	58	15.80
	Всего	367	100.00
“Смешанная” группа	Да	398	87.09
	Нет	59	12.91
	Всего	465	100.00

Таблица В

**Оценка экспериментального эффекта воздействия
(average treatment effect) (“эффект похмелья”)**

ПЕРЕМЕННЫЕ	(1)	(2)	(3)
	Госдума	Президент	Правительство
«Крымская» vs «смешанная» группы	-0.07 (-1.08)	0.21*** (3.19)	0.05 (0.76)
Пол	-0.06 (-0.89)	0.04 (0.66)	0.08 (1.28)
Возраст	-0.02 (-1.08)	-0.04*** (-3.55)	-0.02 (-1.43)
Возраст ²	0.00 (1.14)	0.00*** (3.40)	0.00 (1.10)
Образование	0.02 (0.76)	0.02 (0.78)	0.01 (0.33)
Доход	0.00 (0.60)	-0.00 (-0.72)	-0.00 (-0.00)
Размер поселения (<i>Москва – референтная категория</i>) Более, чем 500 тыс.	0.17	-0.30*	0.08

Окончание табл. В			
ПЕРЕМЕННЫЕ	(1)	(2)	(3)
	Госдума	Президент	Правительство
	(1.37)	(-2.11)	(0.60)
от 100 до 500 тыс.	0.12	-0.42***	0.01
	(1.07)	(-3.13)	(0.06)
до 100 тыс.	0.16	-0.54***	-0.08
	(1.35)	(-3.90)	(-0.68)
Сельская местность	0.10	-0.52***	-0.11
	(0.82)	(-3.84)	(-0.86)
Федеральный округ (<i>Северо-Запад – референтная категория</i>)			
Центральный ФО	0.02	-0.12	0.13
	(0.15)	(-1.05)	(1.10)
Южный+Сев.Кавказ. ФО	0.03	0.12	0.29*
	(0.25)	(1.10)	(2.31)
Приволжский ФО	-0.03	0.01	0.17
	(-0.21)	(0.05)	(1.30)
Уральский ФО	0.14	0.16	0.25~
	(1.00)	(1.16)	(1.67)
Сибирский ФО	-0.12	-0.07	-0.07
	(-0.88)	(-0.50)	(-0.50)
Дальневосточный ФО	-0.20	0.54***	-0.06
	(-0.96)	(3.20)	(-0.24)
Политические предпочтения	0.18*	0.28***	0.27***
	(2.50)	(4.39)	(3.91)
Частота просмотра новостей федеральных ТВ	0.12***	-0.10**	0.07~
	(3.17)	(-2.76)	(1.89)
Доверие СМИ	0.36***	0.39***	0.44***
	(7.36)	(8.03)	(9.51)
Частота использования интернета	0.05	-0.05	-0.01
	(1.37)	(-1.50)	(-0.27)
Константа	-1.26**	0.24	-1.27***
	(-2.78)	(0.58)	(-2.93)
N	594	618	602
R ²	0.17	0.28	0.27
F test	5.67	9.26	10.28
Prob >F	0.00	0.00	0.00

t-статистика в скобках, *** p<0.005, ** p<0.01, * p<0.05, ~ p<0.1

Таблица Г

Тесты на случайный статистический вывод			
“Крымская” vs “Смешанная”	t-test	Wilcoxon rank-sum test	Fisher–Pitman permutation
Госдума	0.02	0.05	0.05
Президент	0.02	0.01	0.01
Правительство	0.24	0.26	0.25